

С тех пор как в полдень он поговорил со старшим братом, а днем увидел, как Фэн Сюань веселится с Хай Юанем и другими без его сопровождения, он чувствовал себя не в своей тарелке. Он ждал, когда тот заметит его недовольство и сам придет его успокоить. Но кто бы мог подумать... Рождественский ужин почти закончился, а он так и не сделал ни шага. Он отправил его присматривать за малышами, надеясь, что тот обратит на него внимание, напомнит о своем существовании. Но... это была сплошная слеза. Вместо этого он сам попал в его ловушку. Самым обидным и болезненным было его сближение с Сяосином. Вспоминая, как они в прошлый раз тайком пили вместе, его сердце, печень и легкие сжимались в один комок.

— Слушай, Лэй, ты, может, слишком увлекся?

Опустив глаза и долго смотря на него, Цзян Вэньтао вдруг заговорил. Встретив его недоумевающий взгляд, он сел, скрестив ноги:

— Признаю, Фэн Сюань, будь то внешность, харизма или поведение, безусловно, один из лучших в нашей сфере. Ты можешь любить его больше, это нормально. Но, Лэй, он все-таки мужчина. Ты не забываешь о нашем статусе? Даже если бы он был женщиной, с его положением, разве твоя мать позволила бы тебе жениться на нем? Мы можем играть, но должны помнить о своем положении. Ты слишком серьезно к нему относишься.

Цзян Вэньтао всегда был импульсивным, типичным представителем золотой молодежи, редко проявляющим рассудительность. Но на этот раз он говорил с необычной серьезностью. С точки зрения наблюдателя, Лэй Тин слишком баловал Фэн Сюаня. Сегодняшнее отношение старшего брата, возможно, было немного жестоким, но это был самый громкий звонок для него. Если он продолжит упрямяться, в будущем его ждут большие проблемы.

— О чем ты? Какая свадьба? Фэн Сюань — мужчина, я не могу на нем жениться, ладно?

Неизвестно, понял ли он скрытый намек, но Лэй Тин нахмурился, откинулся назад и закурил сигарету:

— Но в одном ты прав. Я слишком серьезно к нему отношусь, и теперь он смеет ходить по мне. Если бы это было в начале нашего знакомства, он бы уже приполз ко мне и успокоил меня. Черт, когда вернусь, я с него шкуру спущу.

Чем больше он говорил, тем больше злился, теряя контроль над собой. Это был не разговор, а просто выплеск эмоций. Цзян Вэньтао с раздражением закатил глаза, хотел сказать, что даже в начале знакомства Фэн Сюань не стал бы его успокаивать. Этот парень безнадежен, он просто одержим.

— Ладно, продолжай свои фантазии. Я не буду тебя сопровождать.

Дальше говорить было бесполезно, Цзян Вэньтао решительно встал и ушел. На этот раз Лэй Тин его не остановил. Он продолжал курить одну сигарету за другой, в голове мелькали образы Фэн Сюаня. Люди их круга никогда не испытывали недостатка в любовницах и любовниках, но найти того, кто бы устраивал во всем, включая его звериные инстинкты, было не так просто. Фэн Сюань был идеален во всем, кроме своего упрямства, которое иногда доводило его до бешенства, и он готов был его задушить. Но ему нравился именно такой тип. Мягкие и скучные, как Су Цин, его не интересовали. Так что вывод был один — он просто сам себя наказал.

— Черт!

Чем больше он думал, тем хуже становилось. Лэй Тин ругнулся, потушил сигарету, натянул одеяло с головы до ног и сердито заснул.

Эта ночь определенно была бессонной, но главным героем был явно не Фэн Сюань. Лэй Тин не вернулся в свою комнату, и он был этому рад. Лишь бы он не срывался на нем, пусть издевается над кем-то другим. Бессонными были двое других — Лэй Чжэнь и Хай Юань.

Когда фейерверк закончился, было уже половина одиннадцатого. Для детей, которые обычно ложатся спать в десять, это было уже поздно. Не успели они добраться до отеля, как малыши уже начали засыпать. Лэй Чжэнь нашел повод отправить остальных, а Хай Юаня попросил помочь отвести детей в комнату. Выйдя, он тут же затащил его в свою комнату и, не сказав ни слова, начал страстно целовать, а затем уложил на татами, укрыв одеялом.

— Что ты делаешь?

Видя, как тот беспокойно ворочается в его объятиях, Лэй Чжэнь опустил глаза. Его рука, обнимающая его за талию, была как железный обруч, не позволяя ему ни на йоту сопротивляться.

— Уже глубокая ночь, я хочу вернуться в свою комнату.

Попытки освободиться оказались тщетны, Хай Юань сдался, опустив голову. В его глазах была ледяная холодность. Вспоминая, как он реагировал на их семейные костюмы, его сердце сжималось от боли. Его действия явно были направлены против него. Разве он был глупцом, чтобы не заметить? За столько лет, если бы сердце могло истекать кровью, его сердце уже превратилось бы в реку. Он всегда так обрывал его чувства, уничтожал все его надежды. Он уже научился не мечтать, просто любил детей и не мог отказать им. Разве это было неправильно? Неужели он действительно хотел его добить?

— Ты все еще злишься из-за костюмов? Ладно, я не имел в виду тебя. Ты же сам видел, как та женщина надела с тобой пару. Я твой мужчина, как я мог не злиться?

Слегка надавив, он уложил его на свою грудь. Лэй Чжэнь поднял его подбородок и поцеловал в губы. Будучи мужчиной за тридцать, он знал, как успокоить его. В большинстве случаев он был готов идти ему навстречу.

— Какие пары? Это были семейные костюмы. Ты что, ослеп? Не видел, что дети тоже были в таких же?

Как и ожидалось, Хай Юань стал чувствовать себя лучше, хотя его тон все еще был раздраженным. Но боль в его глазах исчезла, а на лице появилась легкая досада. Это было скорее кокетство между любовниками, чем настоящий упрек. Его было легко успокоить, и он легко удовлетворялся.

— Семейные костюмы тоже не подходят. Вы что, стали семьей? А кем тогда становлюсь я?

Наглость влиятельных молодых господей, особенно братьев Лэй, была на высоте. Проще говоря, он мог быть чьей-то семьей, а Хай Юань не мог даже притворяться.

— Будь кем хочешь. Чжэнь, мне очень нравятся твои племянники.

Раздраженно посмотрев на него, Хай Юань полностью успокоился и снова устроился под одеялом. Дети были действительно милыми, и он тоже хотел ребенка, связанного с ним

кровью. Но...

— В следующий раз я приведу их к тебе. Только не говори, что они тебе надоели.

Лэй Чжэнь никогда раньше не давал таких обещаний, тем более не позволял Хай Юаню сближаться с своей семьей. Но сегодня, возможно, из-за чувства вины или атмосферы чужой страны, а может, он давно заметил любовь Хай Юаня к детям, он пообещал, и это было искренне.

— Правда?!

Хай Юань с радостью поднял голову, смотря на него, пытаясь понять, шутит ли он. Лэй Чжэнь улыбнулся и нежно ущипнул его за щеку:

— Правда, чистая правда.

— Отлично, Чжэнь, только не вздумай передумывать.

— Не передумую.

— Я тебя люблю.

С восторгом он поцеловал его в губы, Хай Юань искренне улыбнулся, радуясь его обещанию и редкой нежности.

— Ты любишь меня только в такие моменты. Что, думаешь, одного поцелуя достаточно?

Перевернув его на себя, Лэй Чжэнь, чьи шершавые крупные руки, привыкшие к армейской подготовке, медленно гладили его нежную кожу. Большой палец скользил по его алым губам, и только что утихшее желание снова разгорелось.

— Эм... Ты только что закончил?

Почувствовав, как его твердый член упирается в его бедра, Хай Юань невольно скривился. Как он так быстро восстановился?

— Он говорит, что снова голоден...

— Ай... Больно, мерзавец...

Сопровождая свои слова, Лэй Чжэнь резко толкнул его, и Хай Юань застонал от боли. Оба они были мужчинами, но почему разница была такой большой? По сравнению с его «оружием», его собственное казалось детским, неспособным выдержать его жестокость.

— Ммм...

<http://bllate.org/book/16555/1510827>